

Номинант премии «Эдгар» в 2022 году

УИЛЛ ЛИТЧ

КАКАЯ УДАЧА

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

«Фантастический
роман!»

- Стивен Кинг

Уилл Литч
Какая удача
Серия «Новый мировой триллер»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69512851

Уилл Литч. Какая удача: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-151006-0

Аннотация

Несмотря на редкое генетическое заболевание и невозможность ходить и разговаривать, Дэниел ведет прекрасную жизнь: у него есть друзья, работа в авиакомпании, налаженная рутина. Вообще-то он считает себя весьма удачливым парнем!

Жизнь Дэниела меняется, когда он узнает об исчезновении студентки, Ай-Чин. Ведь он много раз видел ее, в одно и то же время, сидя по утрам на крыльце. А затем он вспоминает, что в утро ее исчезновения Ай-Чин села в машину к незнакомому мужчине... Получается, что Дэниел – единственный свидетель похищения? Что если преступник тоже видел его?

Содержание

Вторник	13
Среда	62
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Уилл Литч

Какая удача

Will Leitch
HOW LUCKY

Печатается с разрешения литературных агентств The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

В книге присутствуют упоминания социальных сетей (Instagram, Facebook), относящихся к компании Meta, признанной в России экстремисткой и чья деятельность в России запрещена.

© 2021 by Will Leitch

© Яновская А. А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Сейчас читаю фантастический роман Уилла Литча. Он смешной и захватывающий одновременно. И в нем есть что-то от атмосферы «Там, где раки поют». Мне кажется, вам понравится!

Стивен Кинг

Роман очень трогательно изображает и дружбу, и тесное сообщество людей в небольшом городке.

The Wall Street Journal

Прекрасная книга. Действие романа происходит в Атенсе, штат Джорджия, и все нюансы жизни в небольшом городе описаны восхитительно правдоподобно. А еще роман тревожный и захватывающий, и в тоже время так много рассказывает и о дружбе, и о любви, и о заботе, при этом ни разу не кажется ни глупым, ни излишне сентиментальным. Это большая редкость!

Booklist

«Фантастический роман!»

Стивен Кинг

* * *

Номинант премии «Эдгар» в 2022 году

Уилл Литч живет со своей семьей в Атенсе, штат Джорджия, и является автором пяти книг, в том числе романа «Какая удача». Он регулярно пишет для The New York Times и Washington Post.

* * *

Посвящается Алексе

HOW LUCKY CAN ONE MAN GET?

Джон Прайн¹

* * *

Моя жизнь не триллер. Моя жизнь – противоположность триллеру. Какое облегчение. Кому хочется, чтобы жизнь щекотала нервы? Не поймите меня неправильно. Мы хотим, чтобы жизнь была *захватывающей*: хотим, чтобы она вдохновляла, удивляла, давала нам повод вставать и каждый день жизни пробовать что-то новое. Но чтобы она щекотала нервы? Да ни за что. Все, что случается в триллерах, было бы абсолютно, мать его, ужасающим в реальном мире. Вы видели миллион сцен преследования в фильмах, столько, что вы едва отвлекаетесь от складывания постиранного белья, когда такое происходит в чем-то, что вы смотрите на Нетфликсе в этот момент. Они приелись; они пресные и скучные. Но если бы вы оказались в одной из этих сцен преследования, это было бы кошмаром. Вы бы бежали... спасая свою жизнь! Если бы вы выжили, вы бы годами пытались справиться с этим. Вы бы тряслись и съезживались из-за этого на сеансах

¹ Строка из песни Джона Прайна *How Lucky*. В переводе с англ.: насколько может человеку повезти? – *Здесь и далее прим. переводчика.*

психотерапии, у вас были бы кошмары об этом, и вы бы просыпались от них с криком, вам сложно было бы установить какую-либо тесную связь с другим человеком. Это было бы худшее, что случилось с вами.

Реальность, к счастью, это не триллер. Эти вещи не случаются с вами, и они не случаются со мной. Моя жизнь – это лишь мелкие моменты, как и ваша. Мы не живем в череде сюжетных событий. И должны быть благодарны за это. Мы должны понимать, как нам повезло.

Когда я говорю, что знаю – она села в «Камаро» в 7:22 утра, поверьте, я знаю наверняка. Моя уверенность является результатом моей рутины. Может, вы так не думаете, но моя повседневность не так уж отличается от вашей. Я уверен, потому что утро того дня было обычным, посредственным, как и любое другое. Я уверен, потому что я видел ее, как всегда.

Марджани разбудила меня в шесть утра. Мы молча позавтракали. Я ответил на письма и пролистал Инстаграм, пока не началась программа «Сегодня» и не оповестила меня обо всех ужасах, произошедших в мире за прошлую ночь. После того как Хола² радостно пробежалась с рассказом, как все рушится, Аль объяснил, что сегодня в Лас-Крусес будет под сорок градусов тепла, уххх, а потом улыбнулся и передал слово 11Alive, местному филиалу из Атланты, как и каждый будний день в 7:17. Ведущий прогноза погоды, Чел-

² Хола Котб – одна из ведущих американской программы «Сегодня».

си МакНил, которого по-настоящему так зовут, улыбнулся, как *он* всегда делает в 7:17. Наступило время ПИЗометра³. У каждой телевизионной станции должен быть ПИЗометр. Это просто число от 1 до 11, где 11 – это платонический идеал погоды на этой планете, а 1 предположительно означает метеоритный дождь, который убьет всех нас, и оно характеризует погоду на день. У Челси МакНила ровно четыре минуты, чтобы рассказать нам о местной погоде и добраться до ПИЗометра, прежде чем ему нужно будет снова передать слово Алу в Нью-Йорке.

Эти четыре минуты бывают пыткой. Иногда меня беспокоит, как сильно мое эмоциональное благополучие зависит от ПИЗометра. Я работаю из дома. Я провожу здесь все время. «Снаружи», за пределами моего крыльца, я бываю редко. ПИЗометр дает мне шанс увидеть мир на несколько минут. Если выдают 8 или выше, как сегодня («Тебе понравятся эти выходные, Атланта!»), я спешу на крыльцо изо всех сил. А главное, я спешу наружу ровно в 7:21. Так же было в этот день, так же будет завтра, так будет, пока я могу выбираться туда и пока прогноз погоды будет хорошим.

Марджани подошла к своей «Хонде Цивик» и помахала мне на прощание: *Увидимся завтра, Дэниел*. Наша рутина уже превратилась в танец без слов, утвердившись за годы практики, Марджани – Астер, а я – Джинджер Роджерс, делающий то же, что и она, только задом наперед и на каблук.

³ В ориг. WIZ/Weather Information Zone – Погодная информационная зона.

ках. Теперь она хорошо говорит на английском, но годы, когда она знала очень мало, научили нас этому молчаливому танго. Иногда мы разговариваем. Иногда нет. Я наблюдал, как ее машина долго стонала, прежде чем завестись. Она ездил на ней, сколько я ее знаю, и я понятия не имею, как эта машина до сих пор на ходу.

Марджани проехала по Агрикалчер-стрит в сторону Стегеман Колизея, где ей нужно было помочь с уборкой после мероприятия спортивного клуба, прошедшего прошлым вечером. Скоро должен был состояться домашний футбольный матч университета Джорджии, из-за чего на неделе было много больших событий, а это в свою очередь значило больше работы для Марджани. Она помогает мне по утрам, а потом отправляется на разные подработки: уборка, присмотр за детьми, визиты на дом, иногда готовка. Этим она занималась за день до того и будет это делать сотни следующих. Конечно, если эта ее кашляющая машина протянет так долго.

Я отпил через трубочку, наблюдая за ее отъездом с крыльца. Ей пришлось ударить по тормозам, когда какой-то подросток с рюкзаком бездумно выскочил на середину дороги, и он поднял руку, частично извиняясь, но в основном с унылой принужденностью, а затем поспешил в лес. В остальном дорога пустовала, утро было тихим, из тех, когда у всего Атенс похмелье. Все будто отсыпались лишний час. Даже студенческое общежитие, обычно бурлящее исполнительными докторантами, было тихим и темным. Я глубоко вдохнул и по-

пытался вобрать редкий момент уличной тишины. Как часто я один на улице?

А потом я увидел ее. Когда я описываю это вам, это звучит как какой-то большой драматичный момент, словно она выпрыгнула на меня, словно я не мог ее не заметить, словно на ней было ярко-красное пальто в черно-белом мире. Словно я был в триллере. Но все совсем не так. Она просто шла, как всегда. Обычно она не единственная выходит на улицу так рано, но в тот день была только она. Я видел ее в это время каждый день три недели подряд, точно по расписанию. Она, студентка где-то второго курса, с синим рюкзаком, шла по тротуару в том же направлении, в котором только что уехала Марджани. В тот чудесный осенний день, тянущий на 8, может, даже 9 по ПИЗометру, она брела по Агрикалчер-стрит в 7:22 утра, просто еще одна студентка, идущая на занятия.

Как обычно, она отличалась только тем, что не пялилась в телефон. Она никогда даже не ходила в наушниках. Она не смотрит по сторонам, всегда одна, сливается с тротуаром. Она никогда не замечала меня, и, честно говоря, я бы никогда не подумал заметить ее, если бы она не появлялась каждый день в то самое время, когда я на крыльце. Она просто шла. Это все, что она делала.

До того дня. В тот день она на секунду остановилась. Без причины: перед ней не выезжала машина, ничего такого. Она просто остановилась, перевела взгляд и впервые посмотрела мне в глаза. Это явно было случайностью; ее взгляд метнул-

ся в сторону быстрее, чем остановился на мне. Но она меня увидела. А я увидел ее. Затем она снова остановилась, посмотрела на меня, на этот раз внимательнее, немного улыбаясь. Подняла правую руку. *Привет*. Потом пошла дальше.

«Камаро» выехала с Саутвью Драйв на Агрикалчер-стрит. Она была бежевой, нуждалась в новой покраске и намного большей заботе, чем получала до этого. По моим догадкам, это машина шестидесятих годов выпуска, винтажная – тогда «Камаро» считалась первоклассной спортивной машиной, а не чем-то, в чем ты пытаешься устроить свиданку с Салли или Бетти в семидесятих. Эта машина стоит усилий на ее восстановление к прежнему величию, усилий, которые на тот момент не прилагались.

Машина подъехала к ней и остановилась. Она заглянула внутрь. Кажется, пожалала плечами. Я не видел, что происходило в машине. Она качнула головой, коротко рассмеялась, затем снова пожалала плечами. Потом водитель открыл дверь пассажирского сиденья. Я не мог разобрать его лица, но разглядел две вещи: как мелькнул блестящий, почти прозрачный носок его ботинка на левой ноге – он сверкнул хромом – и синюю кепку «Атланта Трэшерз» у него на голове. Я помню, что кепка «Трэшерз» показалась мне странной даже в тот момент. Здесь была команда НЛХ под названием «Атланта Трэшерз» десять, пятнадцать лет назад, но никому на юге не нравится хоккей, поэтому они переместились в Виннипег. Кто носит кепку «Атланта Трэшерз»?

Она замешкалась и мимолетом взглянула вправо, словно убеждаясь, что никто за ними не наблюдает. Потом посмотрела влево и снова увидела меня. Она быстро отвела взгляд, словно пристыдилась или, может, искала... чего? Моего разрешения? Может, она просто была рада, что кто-то видел. Может, она хотела, чтобы не видел никто. Я понятия не имею. Это было просто обычное осеннее утро. Не было причин думать об этом весь остаток дня, и я этого не делал. Вы бы тоже не думали. Ничего такого.

Но она села в машину. Было 7:22 утра. Я в этом уверен.

Вторник

1.

В 11:13 незнакомец впервые называет меня «зомби стажером-членососом», и в общей сложности, это неплохо для сонного вторника. В середине недели люди в основном путешествуют по работе, и они в среднем вежливее, чем туристы, но становятся намного резче и яростнее, если перейти им дорогу, потому что У Них Есть Статус. Но сегодня легкий вторник. Это очередной хороший день по ПИЗометру, отчего настроение лучше у всех.

«Зомби стажер-членосос» это, я полагаю, отсылка к моей бездушности, нехватке власти и влияния в обществе, и моей одиозности в целом, соответственно. (Последнее слишком грубое и не относящееся к сути разговора, чтобы конкретно сослаться на мою предполагаемую сексуальную ориентацию.) Все начинается с мелкого шторма, единственного, что отображается на моем радаре «Везэр Андерграунд», который, по всей видимости, не дает вылететь из Литл-Рок, Арканзас, самолету @pigsooeyhogs11, направляющемуся в Нэшвилл. Хотя я могу понять, как неприятно застрять в Арканзасе, я ничего не могу для него сделать, учитывая, что я сижу

в этом кресле и за этим столом в Атенс, Джорджия. Но он не хочет, чтобы я чем-то ему помог. Он просто хочет, чтобы я сидел и сносил оскорбления. Я обладаю уникальным набором навыков для этой работы, а сидеть и сносить оскорбления – первые среди них.

@spectrumair сижу в аэропорту Литл-Рок уже 25 минут и никаких новостей ЧЗХ?

@spectrumair уже 35 минут жду #идитенахепсpectrumair

@spectrumair я знаю что вам плевать но я все еще здесь

Нас учат не отвечать на каждый твит. Может, мы могли бы – Spectrum Air это региональная авиалиния, летающая только между восемью разными аэропортами по три раза в день; пассажиров недостаточно, чтобы перегрузить нас, даже если каждый из них взбесится – но ответы на каждый комментарий могли бы создать впечатление, что нас действительно заботят их жалобы, а это не так. Конечно, нужно *делать вид*, что нам не все равно: последнее, что нужно любому бренду, даже если речь идет о крохотной региональной авиалинии, базирующейся в Алабаме, это выглядеть так, будто он не ценит каждого из своих верных клиентов. Но им плевать. Если бы их это заботило, они бы наняли штатных сотрудников по связям с общественностью, координатора соцсетей и, не знаю, может, добыли бы парочку самолетов, которые не нужно задерживать из-за нескольких тучек, замеченных в пяти-

десяти миллионах. Но Spectrum Air не такая авиакомпания. Spectrum Air платит мне двадцать пять долларов в час, чтобы я вежливо отвечал на «недовольные» твиты. И не важно, что за билет по цене 79\$ от Литл-Рок до Нэшвилла ты получаешь то, за что заплатил.

Конечно, я не это ему говорю. После третьего твита и оповещения из центрального офиса, что рейс задерживается на неопределенное время, пока не решится «вопрос с погодой», я отвечаю. У меня уходит больше времени на ответ, чем у других людей, и я подозреваю, что это еще одна причина, по которой я подхожу для этой работы.

@pigsooeyhogs11 Приносим извинения за доставленные неудобства. Ваш рейс задерживается из-за погодных условий. В данный момент у нас нет информации, но мы оповестим вас, как только что-то

узнаем.

Всегда используйте эмодзи «расслабься», отвечая злым людям. Как сильно можно разозлиться на эмодзи? Если бы мы общались исключительно эмодзи, не было бы войн.

Оказывается, @pigsooeyhogs11 может довольно сильно разозлиться на эмодзи: реплика про зомби стажера-членоса появляется спустя два твита. Когда клиент начинает оскорблять или нападать, с ним ничего нельзя поделать, поэтому нам говорят просто отключать оповещения об их твитах. Их нельзя заблокировать – это показывает, что ты их слы-

шал – нужно просто отключать оповещения, чтобы все их вопли и жалобы стали пустым воем в эфир. Они просто кричат в пустоту.

Я признаюсь, есть определенная справедливость одиночества в идее, что разъяренные люди вбивают в свой телефон оскорбления, которые буквально никто не увидит, потому что оповещения отключены. Таким образом, моя работа почти служит на общественное благо. У всех свои демоны, и в вашей повседневной жизни сложно найти место, куда можно излить все это недовольство. Вы можете кричать в подушку, или сорваться на свою собаку, или просто накапливать это, пока все не взорвется в неподходящий момент, вредя вам или кому-то вам небезразличному. Я бы сказал, что выплескивать ярость на дешевую региональную авиалинию в интернете это один из самых продуктивных, здоровых способов это сделать. Людям нужно куда-то ее девать. Пусть уже выплескивают на нас.

Но все равно я никогда не отключаю их оповещения. Прямо сейчас это взбешенные путешественники, но за пределами нашего самолета это просто сыновья и дочери, мамы и папы, сотрудники и начальники, и пятый в очереди человек в «Пабликс», и обеспокоенные посетители больницы, и, в конце концов, это просто люди, лежащие в гробу, окруженные другими, сидящими на раскладных стульях и жалеющими, что не проводили с ними больше времени. Они что-то переживают, отчаянно хотят быть услышанными, и кажется

неправильным не давать им этого. Разговор закончился, как только он бросил слово «членососа». Но затыкать кого-то, испытывающего боль, кажется жестоким. Политика компании – отключать оповещения. Но я просто не могу.

Однако, что мне действительно нравится делать, когда кто-то перешел черту и мне больше нельзя с ними контактировать из-за политики компании, это искать других людей на том же рейсе, которые пожаловались менее вульгарно, и давать информацию *им*. Может, они сидят рядом с разозленным человеком и передадут ему информацию. Мне хочется в это верить. Мне нравится представлять, что, когда незнакомка на рейсе человека, назвавшего меня членососом, узнает, что самолет взлетит через двадцать минут, она подойдет и оповестит этого человека. Разозленный человек отложит телефон, забыв, что он вообще злился, улыбнется и скажет: «Ой, спасибо». Женщина улыбнется в ответ. Два незнакомца вежливо обменялись информацией, и каждый сделал день другого немного, но лучше. Все мы переживаем такие взаимодействия. Кто-то открывает нам дверь. Мужчина поднимает стаканчики, которые мы уронили у кассы. Никто не запоминает эти тихие, мимолетные, мелкие проявления банальной доброты, которые мы видим каждый день. Но мы будем помнить только парня, назвавшего нас членососом в Твиттере. Люди в реальном мире добры друг к другу, даже если эта доброта ничего не значит. Ее не замечают. Но так быть не должно. Мы всегда намного злее в телефонах, чем

в реальном мире.

Я либо восхитителен в своей работе, либо ужасен. Я еще не решил. Но это работа и, если честно, не так уж много существует мест, куда я мог бы устроиться. Так что я не буду жаловаться на эту. Даже если @pigsooeyhogs11 только что пожелал мне заболеть раком мозга и сгореть заживо. Если подумать, я не уверен, как рак мозга должен сделать смерть от огня более болезненной или фатальной.

В дверь звонят, и как обычно я был в интернете так долго, что не заметил, как прошло все утро. Я выхожу из аккаунта и направляюсь ко входной двери. Трэвис пришел с его вторичным визитом, и принес сэндвичи барбекю из «Батт Хатт». Я уже забыл о @pigsooeyhogs11 и всех разговорах того утра. Как забавно это работает.

2.

– Значит, послушай, безумная хрень о той девушке, – говорит Трэвис. – У меня есть теория на ее счет, ага.

Трэвис одет в футболку с Дэниелом Джонсоном, висящую на нем: хоть она и маленького размера, но он все еще может заправлять ее в носки, и его светлые волосы все время спадают ему на глаза; он сдувает их с носа, как мультяшный герой, словно задувает свечку на торте. Я всегда боюсь, что если врежусь в него, то сломаю его пополам. Он будто накуранный Икабод Крейн. Я знаю Трэвиса дольше, чем кого-либо, не

считая моей матери, и одна из причин, почему мы так хорошо ладим – и главная причина, почему мне кажется, что он обожает проводить со мной время – это то, что он никогда не затыкается. Он говорит без передышки, с озорными нотками и неровным смехом, делающим его похожим на сына Вуди Харрельсона и Джесси Айзенберга, воспитанного обдолбанным Фогхорном Легхорном. Он пускается в длинные, запутанные монологи о политике, спорте или музыке, в основном о музыке, за которыми невозможно уследить, даже если слушаешь очень внимательно. Я видел, как люди медленно встают и уходят посреди его монологов, не из злости или раздражения, а попросту от усталости, как когда слишком долго ждешь лифт, понимаешь, что он не приедет, и просто спускаешься по лестнице. Когда они возвращались, он все еще разговаривал.

Прежде чем добраться до единственной темы, о которой сегодня хочет говорить город, до «девушки», сегодняшней темой была группа Wilco⁴. Трэвис мой одноклассник, ему двадцать шесть, и поэтому он слишком молодой, чтобы иметь шанс насладиться Wilco на пике их творчества. Их первый студийный альбом вышел до нашего рождения. Солист нам в отцы годится. Но он одержим ими.

– Дело в том, что он был вторым в группе, которую все

⁴ Wilco – американская группа, играющая альтернативный рок. Она была образована в Чикаго в 1994 году участниками Uncle Tupelo, оставшимися после ухода вокалиста Джея Фаррара.

обожали, понимаешь, и его считали отстойным, – говорит он, высыпая огромную грудку жареной курицы на бумажную тарелку и рассыпая половину на кухонный стол. – Но он не был отстойным, понимаешь? Это он был гением!

Я сокращаю продолжительное обсуждение теплоты и человечности Джеффа Твиди ради вас. Просто поверьте мне: Трэвису есть что сказать на эту тему. Ему есть что сказать на любую тему, и эти темы всегда прямо относятся к тому, о чем он говорил в тот конкретный момент. В клубе «40 Ватт», который ему нравится, работает женщина, любящая Wilco, вот вам и ответ: Трэвис теперь фанат Wilco. На следующей неделе будет что-то другое. Трэвис хочет всего по чуть-чуть, чтобы ему не пришлось выбирать много чего-то одного.

Но теперь он говорит о «девушке». Все говорят о девушке. Первым признаком, что что-то случилось, был тред в Реддите из Атэнс, на который я нактнулся две ночи назад, пока искал кого-то, кто продает билеты на игру против команды университета Среднего Теннесси в эти выходные. Исследовать рынок билетов на футбольные игры Джорджии это отличный способ немного подзаработать, особенно когда твоя работа это весь день сидеть в интернете; кто-то всегда продает их по меньшей цене, чем стоит, и тогда ты этим пользуешься.

В тот вечер на Реддите ничего особо не происходило: на Лейк-Роуд затопило мост, в Файв-Пойнтс упало дерево, кто-то из Барнетт Шолз хотел продать кресло. Я собирался за-

кругляться, когда заметил новый тред, появившийся вверху страницы:

ПРОПАЛА СОСЕДКА.

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛИ В ФАЙВ-ПОЙНТС.

Я живу в Файв-Пойнтс. Я щелкнул.

Срочно: пропала студентка. Моя соседка, Ай-Чин Ляо, на прошлой неделе ушла на занятия и с тех пор не вернулась в нашу квартиру. Она никогда не опаздывает и не безответственная, и мы очень переживаем. Она плохо говорит по-английски, но отзывается на имя Ай-Чин. В последний раз ее видели, идущей по Саутвью-драйв. Полиция уже ищет ее, но мы пробуем все. Пожалуйста, напишите мне на stephanie2001@gmail.com, если вы ее видели. **ОЧЕНЬ БЕСПОКОИМСЯ.**

Сообщение было с фотографией, но она была размытой, а девушка на ней смотрела в противоположном направлении. Это мог быть кто угодно. И все равно мои синапсы⁵ на мгновение ожили. Но только на мгновение. Марджани собиралась домой, а я и сам очень устал. Я больше не думал об этом.

За следующие два дня исчезновение Ай-Чин стало самой громкой темой в городе, а Трэвис, будучи Трэвисом, фонтанировал теориями.

– Могу поспорить, я знаю, где она, – говорит он, и я знаю,

⁵ Синапс – место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой.

что он снова пустится в рассуждения. Я всегда слушаю и потопаю ему. Я никуда не денусь, как и он. Трэвис всегда был здесь.

Мы с Трэвисом родились с разницей в одиннадцать дней в Центре здоровья Сары Буш Линкольн в Чарлстоне, Иллинойс, сонном городке, где располагаются университет Восточного Иллинойса, восхитительный магазин пластинок «Пластинки на Четвертой улице», и больше ничего такого. Его мама была профессором философии в УВИ, а моя мама, Анджела-никогда-не-называй-ее-Энджи, работала ее секретаршей. (Технически, она была «исполнительным ассистентом» всего факультета философии, но он состоял только из пожилого мужчины по имени Эд, который никогда не покидал своего кабинета и возможно просто умер там в 1983-м.) Хоть его мама была на десять лет старше моей и жила в одном из самых больших домов в округе Коулс, одном из тех, у которых крыльцо из искусственного мрамора, расположенных возле загородного клуба, со своим мужем-доктором и четырьмя старшими сестрами Трэвиса, в то время как мы с мамой располагались в тесном домике в соседнем Маттуне, они быстро стали лучшими подругами. Мой отец ушел прежде, чем я с ним познакомился, а отец Трэвиса всегда был на работе в больнице, поэтому наши мамы привыкли быть одинокими, усталыми и заваленными делами, и не иметь никого, кто бы помог или выслушал жалобы. В уни-

верситете были плохие условия декрета, поэтому они обе вернулись на работу до того, как были готовы, и быстро обнаружили, что путь наименьшего сопротивления – это просто брать нас с собой на работу. Можно сказать, что мы выросли в Коулман Холл, слушая, как студенты лихорадочно пытаются достучаться до мамы Трэвиса, чтобы исправить свои оценки, пока моя мама работала на телефонах и иногда проверяла, не умер ли Эд.

Мы с Трэвисом спали в одном манеже, ползали по одному и тому же пыльному коридору, бесчисленные разы купались вместе, и плакали перед одними и теми же ассистентами преподавателя, которых привлекали посидеть с нами, пока наши матери уходили на перерыв. У меня мало воспоминаний об Иллинойсе, в которых так или иначе не участвовал бы Трэвис. Мы даже вместе отпраздновали наш первый день рождения: мама Трэвиса устроила огромную тусовку в их доме, с клоунами, надувным замком и даже каким-то поездом, который возил всех по большому двору. Нам было по году, поэтому мы все проспали, но когда я проснулся, по словам мамы, что я не прекращал плакать, пока не проснулся Трэвис и мы не начали ползать вместе. Она говорит, что мы пробыли там неделю. У них хватало места.

Когда вы одного возраста с тем, с кем проводите столько времени, вас неизбежно сравнивают, и маму Трэвиса всегда беспокоило, насколько быстрее я всему учился. Я лучше спал, я меньше плакал, я даже понял, как пользоваться лож-

кой, хотя получившийся от этого бардак едва ли стоил этого открытия. И черт, как я *двигался*. Мама всегда говорила, что, если отводила взгляд от нас с Трэвисом больше, чем на секунду, она поворачивалась и видела, что я уже наполовину успел спуститься с лестницы, спеша куда-нибудь, пока Трэвис просто сидел посреди комнаты, смеясь и подначивая меня. Мама тогда называла меня Триклом, *мой маленький Коул Трикл*⁶, и она до сих пор иногда вспоминает это прозвище. Она как-то пошутила, что собиралась обмотать мою колыбель колючей проволокой. А Трэвис просто сидел и смеялся.

Однажды в ленивый субботний день, когда нам было по восемнадцать месяцев и мы вчетвером зависали в доме мамы Трэвиса, пока сестры носились кругом и вопили друг на друга наверху, моя мама заметила кое-что странное. Когда мама Трэвиса поднимала его за руки и пыталась провести его по покрытому линолеумом полу, он нетвердо брел, левой, правой, и тысячелетия дарвинистской мышечной памяти вместе с инстинктом создавали... ходьбу! Движение! Автономность! Но я? Я не мог этого сделать. Я не только не мог слаженно двигать ногами, мои ноги вообще не могли выдерживать никакой нагрузки. Если меня поднять, я тут же падал. Каждый раз, когда она поднимала меня, я снова валился на пол. Вот Трэвис, который обычно отставал, начинал подниматься сам и двигаться вперед. Но не я. Я не мог с этим

⁶ Главный герой фильма «Дни грома» – молодой и перспективный гонщик Коул Трикл

справиться.

Недели шли, моя мама все больше беспокоилась. Она слышала о «синдроме болтающихся ног», являющемся признаком того, что у ребенка низкий мышечный тонус, а я не становился сильнее, поэтому она подумала, что проблема в этом. Когда Трэвис начал по-настоящему ходить, пока я все еще просто лежал, она не могла больше ждать. Ей никогда не нравилось звонить и беспокоить врачей каждый раз, когда у меня появлялся насморк. Она не хотела быть одной из *таких* мам. Но это было странно. Если была проблема, она хотела ее исправить.

Ай-Чин исчезла семьдесят два часа назад.

Первая статья появилась в «Баннер-Вестнике Атенс».

ПРОПАЛА СТУДЕНТКА УД ИЗ КИТАЯ

Мэттью Эдер

Полиция университета Джорджии просит помощи в поисках исчезнувшей в Атенс женщины.

Спикер полиции, Майкл Сетера, заявил, что друзья оповестили полицию в эти выходные о том, что девятнадцатилетняя Ай-Чин Ляо в последний раз давала о себе знать примерно в половине седьмого пятницы. Попытки связаться с ней дома или по мобильному были безуспешными, сказал Сетера. Полицейские также поговорили с друзьями и проверили местные больницы, как полагается в делах о пропаже человека.

Ляо была гостевым исследователем из Китая, изучала ветеринарную медицину. Она жила в комплексе семейного размещения на Агрикалчер-стрит в Файв-Пойнтс, и в последний раз была замечена отправляющейся на занятия в пятницу утром, сказал Сетера. Друг семьи и местная жительница Мелисса Лей первой оповестила полицию. Это она расклеила плакаты с фотографией Ляо в Атенс. Лей рассказала «Баннер-Вестнику», что Ляо приехала в Атенс в середине августа. Лей говорит, что она недавно познакомилась с Ляо через родственников в Китае и планировала представить ее своей университетской христианской молодежной группе. «Она больше никого не знает в городе, и я понятия не имею, куда она могла деться.»

Посольство Китая в Вашингтоне было проинформировано об исчезновении Ляо.

«Мы исчерпали все варианты, поэтому просим помощи у общественности. Мы ничего не исключаем», сказал Сетера. Полиция просит жителей Атенс звонить на горячую линию по делу Ай-Чин Ляо по номеру 706-234-4022, если у них есть какие-то сведения.

У меня есть о ней только одна деталь, но она большая: я видел ее каждый будний день последние два месяца в одно время, в одном месте. Она помахала мне только один раз, в тот день. В последний день. Я понял это только прошлой ночью перед сном, когда ее фото показали в новостях. Ай-Чин была похожа на нее. Очень. Я немедленно написал Трэвису,

что женщина из новостей ходила мимо моего дома каждое утро. И только позже сегодня утром я вспомнил кепку «Трэшерз» и ботинок, блеснувший хромом.

Это та девушка. И это та машина.

– Так давай поговорим о девушке, слушай, – говорит Трэвис. Его теория, излагаемая параллельно с тем, как он кладет свинину-барбекю мне в рот, следующая: Ай-Чин Ляо наркоманка.

Было неизбежно, что Трэвис предложит эту теорию в какой-то момент, хотя, должен признаться, я немного удивлен, что она стала у него первой. Мысль: она в новом месте. Никого не знает. На нее сильно давит потребность преуспеть в учебе. Она никогда в жизни не была свободна. Она немного интереснее, немного раскованнее, чем думают другие, и теперь впервые в жизни она может это выразить. Ее новые соседи скучные и подавляют ее. Они просто хотят, чтобы она училась – но она не хочет учиться! Америка не для того, чтобы учиться! Она для поп-музыки, Нетфликса и травки. Точно травки.

По мнению Трэвиса, она, наверное, ускользнула от других китайцев как-то ночью и оказалась на вечеринке студенческого братства. («Она симпатичная», говорит он, пожимая плечами.) Она знакомится с какими-то ребятами, курит с ними траву, что только больше расширяет ее мировоззрение. Почему она так много времени тратит на усердный труд? Почему она так далеко от дома? Почему все вообще хотят, что-

бы она стала ветеринаром? Ветеринарам приходится усыплять животных, типа, *все время*. С чего кому-то хотеть делать эту дерьмовую работу? Она понимает, что вся ее жизнь была ложью, что она не хочет быть частью *системы*, что она должна быть Ай-Чин, понимаешь? И она решает послать все на хер. Она находит подругу планокуршу, с которой сбегает – «Может, она лесбиянка и даже этого не осознавала!» – и прячется в квартире в Нормалтаун, заказывая доставку, затягиваясь из бонга и засматриваясь всеми эпизодами «Черного зеркала». Она даже не знает, что ее ищут. Она просто проживает Америку, понимаешь?

Возможно, Трэвис немного проецирует в этом случае. Но я на всякий случай отмечаю эту теорию.

Он прерывается, чтобы затолкать побольше мяса себе в рот, и я жду пока он дожует и продолжит, но потом он заглядывает еще один огромный кусок свиного окорока, и услужливо дает еще один мне, поэтому я выжидаю окончания теории еще немного. Я начинаю немного давиться свининой, поэтому Трэвис обходит стол и легонько постукивает меня по спине. Он думает, мне сложно дышать, но это не так, поэтому я рычу, так как рот все еще занят сэндвичем. Он фыркает: «Извини, боже», и оставляет меня в покое. Я в порядке.

Через двадцать пять минут мы возвращаемся к девушке, работающей в «Вукстри Рекордс» в городе, с пирсингом в брови и татуировкой Курта Кобейна на спине, которую Трэвис не видел, но хочет увидеть, и как эта девушка сказала

ему послушать Wilco, а потом мы возвращаемся к Wilco, и мне честно насрать на Wilco, но это то, на что ты подписываешься, зависая с Трэвисом, и я не против, я рад, что он здесь, а барбекю потрясное.

Я смотрю ему в глаза, чтобы мы могли говорить.

Здесь нам нужно на мгновение прерваться. Если мы с вами будем проделывать это небольшое путешествие вместе, вам придется пойти мне навстречу. Понимаете, я не могу... ну, я не могу разговаривать. По крайней мере, не так, как вы и большинство ваших знакомых. Этому предшествует целая история, и у нас достаточно времени, чтобы во всем этом разобраться, но просто потому, что мы с Трэвисом не можем разговаривать, не значит, что мы не можем *разговаривать*. Я знаю Трэвиса всю жизнь, и мы можем общаться без слов – почти как близнецы, но не так стремно, как близнецы. Он может посмотреть на меня, а я – на него, и мы понимаем, что другой говорит, не сказав ни слова. Я слишком все упрощаю, это сложнее, чем кажется здесь, в двухмерной прозе; вам просто придется мне поверить. Я могу делать это и с моей мамой, и Марджани тоже научилась в последние пару лет. Вы бы не смогли этого понять, если бы увидели, но для нас это работает. Поэтому просто доверьтесь мне.

ОК? Мы друг друга понимаем? Вы со мной?

Хорошо. Итак. Как я уже говорил: я смотрю ему в глаза, чтобы мы могли говорить.

Думаю, это та девушка, которая все время проходит

мимо моего дома.

Кто, планокурша?

Не думаю, что она планокурша, Трэвис.

Ты прикалываешься? Если ты думаешь, что это она, нам нужно что-то сказать.

Я не знаю точно. Но это странно, что я видел ее каждый день, а потом ее не было вчера, а эта девушка, похожая на нее, пропала, не так ли?

До чертиков странно. Очень, мать ее, странно.

Что мне делать?

Хочешь, я позвоню на горячую линию? Я могу это сделать. После занятий. Позже. Позже? Сегодня вечером. Может, сегодня вечером.

Думаю, мне придется тебе напомнить.

Да, черт побери.

Он типично пожимает плечами и говорит вслух: – Безумная хрень. Мне пора на работу. – Он вытирает мне подбородок салфеткой, выбрасывает пакеты из «Батт Хатт» в мусорное ведро и закидывает рюкзак на левое плечо. – Твоя мама сейчас в отпуске, да? – говорит он, как обычно меняя тему. – Моя мама сказала, она заберет ее и ее любовничка из аэропорта, когда она вернется.

Он засовывает последний кусок хлеба себе в рот и звенит ключами.

– Я зайду завтра, лан? Я тебе напишу, когда буду в пути. У тебя все еще стоит на меня особая мелодия?

Я улыбаюсь ему. Конечно да.

– И на выходных у нас игровой день, детка. Игровой день! ШЕРСТИСТЫЙ МАМОНТ! ШЕЕЕЕЕЕЕРСТИСТЫЙ МАМОНТ! – Он триумфально поднимает руки. Шерстистый мамонт – это его самое большое достижение и наша самая тесная связь. Он уже отсчитывает минуты до момента, когда выпустит Мамонта.

Он спрашивает, нужно ли мне помочиться, и я отрицательно качаю головой, а он уходит с дороги, чтобы я мог проехать обратно в кабинет к компьютеру. Твиттер открыт. Трэвис читает сообщение на моем экране.

@SPECTRUMAIR ЧЕСТНО, ПОШЛИ ВЫ НА ХЕР ВМЕСТЕ С ВАШЕЙ ГРЕБАННОЙ АВИАЛИНИЕЙ. Я СЕРЬЕЗНО. ИДИТЕ НА ХЕР. ПРЯМО СЕЙЧАС.
#опаздывают

Он наклоняется и шепчет мне на ухо, будто выдает секрет: – У тебя отстойная работа, чувак.
Визиты Трэвиса кончаются слишком быстро.

3.

Его звали доктор Мортон, невролога, которого привлек мамин педиатр, чтобы объяснить, что происходит с ее сыном, но моя мама после того дня называла его исключительно Недом Говноедом. Я даже не знаю, зовут ли его на самом деле Недом. Может, ей просто нравилось, как это звучит. Мама рассказывала историю того дня так много раз, что она

точно знает, когда именно нужно останавливаться для каждой желаемой эмоции, каждого смешка, каждого оха и каждой слезы, выдавленной для максимального эффекта. Нед Говноед всегда вызывает хохот.

Через две недели после того, как мама отвела меня к врачу, потому что я не мог стоять, она вошла в грустный кабинет в недрах Центра здоровья Сары Буш Линкольн, через три двери от молельни и четыре от морга, чтобы встретиться с Недом Говноедом. Нед Говноед приехал из Шампейн на встречу с ней и немедленно извинился за то, что скоро ему нужно ехать обратно, что он приехал туда только по просьбе доктора Галлагера, которого знал много лет, что у него обычно нет времени разговаривать с каждым пациентом, как будто маму что-то из этого интересовало, как будто что-то из этого каким-либо образом было связано с ней или жизнью ее сына. Я все еще сидел в своем автомобильном сиденье, все еще был пристегнут, прямо в кабинете доктора Галлагера, и жевал пищащего пластикового жирафа.

– В любом случае, – сказал Нед Говноед, – Я также здесь, потому что у Дэвида...

– Дэниел, – перебила моя мама. – Его зовут Дэниел.

– Да, извините, Дэниел, – продолжил Нед Говноед, едва ли заметив, как гневно на него глядели доктор Галлагер и моя мама. – Я здесь, потому что, и мне грустно это говорить, у Дэниела чрезвычайно серьезная болезнь, – он сказал «мне грустно это говорить» так, что звучало совсем не грустно и

даже не особо заинтересованно. Он сказал это как школьник, произносящий Клятву верности: это просто что-то, что ты должен делать. – Сначала мы не могли понять, что происходит, поэтому сделали кое-какие генетические тесты, а также ЭКГ и протестировали на креатинкиназу, в этом была задержка. Нам нужно было убедиться. Теперь мы уверены.

А потом Нед Говноед познакомил мою мать с миром спинальной мышечной атрофии.

Он долго о ней рассказывал, но мама всегда пропускает эту часть истории, по крайней мере, в моем присутствии, потому что все слушающие всегда знают, что такое СМА. Она лишь упоминает, что едва слушала его объяснения или описания – «Мне было по-ирландски насрать на детали», так она выражается, и четверть века спустя я все еще не совсем уверен, какая разница между насрать по-ирландски или как-то по-другому – потому что она лишь хотела знать: «С ним все будет в порядке?» Она пыталась перебить его, вставить этот важнейший вопрос, единственный вопрос, имевший значение, но он совершенно игнорировал ее, как профессор, который настаивает, чтобы студенты придерживали вопросы до конца лекции. Она снова была в ловушке мужчины, не слушающего ее, не замечающего даже, что она пытается заговорить, пока не решит, что он закончил.

Тогда она грохнула кулаками по столу, перевернув фотографию жены доктора Галлагера и их троих толстых детей, и яростно взглянула на его.

– С. НИМ. ВСЕ. БУДЕТ. В. ПОРЯДКЕ? – завопила она.

Следующие слова Неда Говноеда подталкивали мою мать следующие двадцать пять лет. Вы могли бы поспорить, что ее жизнь мгновенно разделилась на то, что было до того, и что было после. Это дало ее жизни смысл и одновременно разрушило ее. Она никогда больше не была прежней.

– О, боюсь, это смертельная болезнь, – сказал он. – У Дэвида СМА второго типа. Он не сможет ходить. Он никогда не будет обычным мальчиком. И вам нужно подготовиться к правде: он может умереть в любой момент. Даже с правильным постоянным уходом он вряд ли доживет до старших классов. Вы должны ценить каждый оставшийся у него момент. Это ужасная болезнь. Мне очень жаль. Она его убьет.

Моя мама поджала губы и сглотнула. Доктор Галлагер накрыл руку моей матери ладонью, но она смахнула ее. Она не плакала. Она больше не стучала по столу. Она не кричала. Она просто ткнула в Неда Говноеда толстым мясистым пальцем и сказала:

– Можете отправляться на свою гребаную встречу в Шампейн. Я никогда больше не хочу видеть ваше чертово лицо. И я могу сказать вам одно: Дэнни переживет вашу обвисшую белую задницу. Это я вам гарантирую.

Она схватила мое автомобильное кресло, выбежала из кабинета и обматерила его так громко по дороге к выходу, что пациенты повыходили из своих палат посмотреть, в чем дело. Она так быстро неслась из больницы, что врезалась в раз-

движную дверь.

– Потом я посадила Дэниела в машину, села сама и проплакала неделю, – говорит она, каждый раз подытоживая историю одинаково. – А потом перестала. И с тех пор не плакала.

4.

Одна из множества раздражающих вещей в инвалидности – это постоянное чувство, что я обязан ободрять и утешать вас после вашей реакции на мою историю.

Мы привыкли к вашей реакции. Это у вас проблема. Хоть постоянно одобрять ваши реакции утомительно, еще более утомительно, для меня, в любом случае, постоянно бороться. Поэтому мне просто приходится взять это на себя. Просить вас измениться не должно быть чем-то слишком большим, но, по всей видимости, так и есть. Поэтому я пытаюсь, насколько могу. Мало того, что мне приходится справляться с этим каждый день. Так мне еще нужно помочь *вам* почувствовать себя лучше.

Не суть. Я не случайно так долго не говорил вам о моем СМА – одна из многих причин, почему я предпочитаю общаться с людьми через компьютеры – такая коммуникация позволяет мне оттягивать Этот Самый Разговор как можно дольше, но не путайте это с мыслью, что мне не нравится отвечать на вопросы о моей болезни. Когда вы инвалид, стра-

даете ли вы СМА, парализованы или просто кто-то, пользующийся инвалидным креслом, причина вашей инвалидности, как я обнаружил, это последнее, о чем хотят спросить окружающие. Они спрашивают о погоде, местной спортивной франшизе, сегодняшней бурной политической обстановке, но они никогда, абсолютно никогда не спрашивают об *этом*. Вы можете завопить: «Эй, если нажать на эту кнопку, кресло превратится в Корвет, пожалуйста, нажмите на кнопку, вам лишь нужно **НАЖАТЬ НА ЭТУ КНОПКУ!**» прямо им в лицо, и они все равно попытаются сменить тему на обсуждение популярного видео с котом, играющим в шашки.

Послушайте человека в инвалидном кресле: *люди, которые не в кресле, не любят говорить о кресле*. Они так беспокоятся, что скажут что-то не то, что они либо ничего не говорят, либо, что более вероятно... говорят что-то не то. Но это тоже ничего! Я люблю говорить о кресле! Мне нравится, когда люди спрашивают, как я себя чувствую. Мне нравится, когда люди не забывают, что в кресле живой человек.

Я понимаю. Я знаю, некоторым из вас странно видеть кого-то в инвалидном кресле, кого-то, кто не может двигать конечностями, кто не контролирует ни один аспект своего тела, прямо перед собой. Вы к этому не привыкли и не знаете, что делать. У вас уходит мгновение просто на то, чтобы осознать увиденное, понять, через что может пройти человеческое тело, а затем требуется еще мгновение на обработ-

ку всех эмоций, которые вы ощущаете, грусть, сочувствие, ох, какое сочувствие, *бедняжка*, в каком мире мы живем, что такое могло случиться с ребенком, невинным ребенком, *ох, как же это бесчеловечно, зачем существует страдание?* Можно быстро усвоить – когда вся жизнь проходит в наблюдении за людьми, которые пытаются не тарашиться и все равно это делают, а потом чувствуют себя виноватыми за это, отводят глаза и ведут себя так, будто это в порядке вещей – как улавливать вспышки человеческих эмоций на лицах новых людей. Это случается с каждым из вас, и, серьезно, это нормально. Ну, это ненормально, но я уже привык и научился вас не осуждать. Вы даже не понимаете, что это сделали, пока не сделаете. Я понимаю, это сложно осознать. Вы просто хотите пройтись, может, выпить пива и досмотреть игру «Фалконс», а потом вжух, вы обдумываете, какой невыносимо жестокой может быть жизнь на этой планете и думаете, как добрый и заботливый бог мог позволить человеку так глубоко страдать. Поверьте мне: я понимаю.

Дело в том, что если мы будем двигаться дальше, если я буду вот так говорить с вами – а мне бы этого хотелось – нам, наверное, нужно разобраться с СМА прямо сейчас, с ходу. Я мог бы дать вам полное досье по болезни, что это, как ее получают, каково это, но я не смогу угадать все вопросы, которые у вас возникнут. Поэтому давайте просто избавимся от этого прямо сейчас. Спрашивайте. Спрашивайте что угодно. Давайте уже разберемся с этим. Я к вашим услугам.

Серьезно?

Серьезно?

Погоди, вот прямо так?

Прямо так. Вы начинаете понимать. Как вам нравится такая телепатия?

Это... странно. Неожиданно получить такой шанс в жизни. Я чувствую себя как Форки из «Истории игрушек 4».

Не привыкайте. Это временное состояние. Просто чтобы вы могли жирным шрифтом задать мне вопросы.

Ладно. Ты точно уверен? Я не хочу тебя расстраивать. Пожалуйста, скажи, если я спрошу что-то, что тебя оскорбит.

Господи.

Хорошо. Ладно. Итак: Ты в инвалидном кресле? Ты всегда был в инвалидном кресле?

Ну, я не появился из утробы в нем. Когда стало ясно, что я не смогу ходить, мне пришлось как-то перемещаться. (И еще, я не в инвалидном кресле. Я *пользуюсь* инвалидным креслом. Вам, может, это не кажется большой разницей, но для меня это так.) Моя модель это «Эйррайд Р801Е КSP Италия». Оно может дофига быстро катиться: я как-то разогнал свое до двадцати миль в час. Напугал маму до смерти, но было потрясающе. О, вот вам, кстати, подсказка: никогда не говорите кому-то, кто пользуется инвалидным креслом, ехать помедленнее. Мы знаем, что делаем. Мы используем

эти штуки каждый день. Это вам нужно притормозить. Никто из вас не знает, как водить.

И это все? Ты не можешь ходить? Из-за СМА ты не можешь ходить?

Из-за СМА я много чего не могу. Давайте начнем сначала. СМА это не паралич, будто я сломал шею или еще что. С этими ребятами у нас есть схожести – у нас попорчен позвоночник, пострать это целая миссия – но у них, как правило, это результат какой-то травмы, а у нас это генетическое заболевание. Что-то случилось с ними, что сделало их неспособными двигаться. Мы просто такими родились.

Ключевое, что нужно запомнить об СМА, это что она *прогрессирует*. Это не то, что просто случается с вами, а потом не лечится. Это что-то, что у вас есть и всегда становится хуже. Если вы сломаете шею, ныряя в мелкий бассейн, это ужасно, но сложность в принятии случившегося – что вы можете делать в будущем, а что нет.

С СМА все не так. Вот упрощение, которым я всегда пользуюсь, чтобы объяснить СМА тем, кто никогда не слышал о ней. Вы знаете челлендж с обливанием ледяной водой? Когда знаменитости опрокидывают на себя ведро воды, чтобы собрать деньги? Круто, да? Это помогло многим людям. Это было для больных БАС, болезнью Лу Герига, которая атакует тело взрослого изнутри, в итоге пожирая все целиком. Сильные люди, футболисты, пожарники, кто угодно, нервные клетки их мозга перестают посылать подпитку мышцам,

и они теряют контроль над ними. Вы знаете, насколько это ужасно. Вы обливали себя ледяной водой и делились этим на Фейсбуке. Я не буду над вами за это смеяться. Это правда помогло. И БАС – это адские муки.

Ну, СМА это, ради краткости этого разговора, то же самое, что БАС, только случается с младенцами. Это не *совсем* одно и то же. Для начала, БАС прогрессирует гораздо быстрее. Но главное, что нужно помнить об СМА, это что всегда становится хуже. С минуты, как моя мама поняла, что мои ноги не держат вес тела, моя СМА стала хуже. В прошлом году я мог делать то, чего не могу сейчас. Каждый день эта штука сжирает меня все больше.

Это намного хуже, чем я полагал. То есть ты ничем не можешь двигать?

СМА нападает из центра и распространяется дальше. Это как Злой Кроссфит. Чем ближе что-то к моей груди, моему животу, тем больше оно поражает. Части моего тела, которые дальше от центра, работают намного лучше. Моя левая рука, например, работает вполне неплохо: я могу печатать на клавиатуре, могу держать ложку, могу делать теневые фигуры на стене. Но чем ближе к середине, тем хуже все работает.

Я вожу свое кресло левой рукой. Одна из вещей, которые я заметил в последние пару лет, это то, что, если я какое-то время чего-то не делаю, мое тело забывает, как это делается, и все, все кончено. Из-за того, что пульт управления креслом находится слева, моя левая рука постоянно занята, поэтому

по большей части она работает нормально. Но моя правая рука, потому что я не пользуюсь ей так часто, в основном не двигается. Это одна из самых раздражающих вещей в СМА. Однажды ты просыпаешься и такой: «Черт, видимо, этого я больше делать не могу».

И ты уже сказал, что не можешь говорить. Почему ты не можешь говорить? Или все же можешь?

Да, это еще одна проблема. Раньше я мог произносить слова и вести настоящие разговоры. Но за несколько недель до того, как мне исполнилось двадцать один, я упал с кровати и вывихнул челюсть. Она не была сломана, ничего такого, но с тех пор все ощущалось неправильно, и я так и не смог научиться заново. Я все еще могу говорить, немного. Но не очень хорошо и недостаточно легко, чтобы мне хотелось прилагать усилия к повторению чего-то трижды, пока люди смогут меня понять. Трэвис, Марджани и моя мама могут разобрать, что я пытаюсь сказать, но немногим другим это удастся. У меня в телефоне, который я прикрепил к креслу, есть генератор голоса, прямо как у Стивена Хокинга. Теперь я могу общаться с незнакомцами только так. Ну, если не считать того, когда они вопят на меня за опоздание их рейсов.

Значит, ты можешь двигать только левой рукой и ртом?

У меня пальцы на ногах безбашенные. Они сейчас такое выделяют.

И ты живешь один?

Да. Это легко. Если на то пошло, насколько я понимаю, большинство чуваков моего возраста все равно днями и ночами занимаются ровно тем же, что и я: пялятся в компьютер и спят. Кто-то мог бы заметить, что история из кожи вон вылезла, чтобы встретиться со мной именно в этот момент.

Конечно, мне требуется помощь. Марджани приходит по утрам и вечерам, и есть еще ряд ночных сиделок, которые супердружелюбные и которым платит (недоплачивает, если быть точным) программа покрытия расходов «Медикэйд» за то, что они приходят и переворачивают меня ночью, потому что, если я неправильно повернусь, я потом не могу перевернуться обратно. (Они также убеждаются, что я все еще дышу.) Это до странного интимно, что у какого-то парня, либо Чарльза, либо другого, Ларри, или, может, Барри, единственная задача – это приходиться ко мне домой, переворачивать меня, словно блинчик, и уходить. Трэвис приходит на обед пару раз в неделю, и еще мы тусуемся на выходных, но он мой друг, а не сиделка.

Но жизнь не настолько сложная. Я жил один с тех пор, как уехал из Иллинойса. «Медикэйд», немного частной страховки и GoFundMe, который для меня сделал Трэвис после несчастного случая несколько лет назад, оплачивают большую часть расходов на сиделок и оборудование. Работа в авиалинии также позволяет мне платить аренду пополам с мамой – в университетских городках хорошо и дешево. Со

многими детьми, особенно мальчиками, носятся мамочки, никогда не оставляющие их одних. Но моя мама подталкивала меня стать самостоятельным человеком, не заикливаться на вещах, которых я не могу сделать. Как только я выпустился из общественного колледжа в Иллинойсе – вперед «Лейкленд Лейкерз»! – я сказал ей, что хочу переехать в Атентс. Трэвис был здесь, но хоть иметь близкого друга рядом это отлично, я переехал не из-за него. Здесь отличная погода, я близко к Атланта, где лучшие больницы в мире, тут есть университетский спорт (и университетские девочки), и есть даже хорошая музыка. Кроме того, это город, где ты можешь не иметь машины, если не хочешь. У многих людей с СМА есть машины, но кому нужен этот головняк? Это город тротуаров и пеших студентов.

Я не хотел вечно жить с мамой, и хоть я знаю, что она никогда бы этого не признала, но она намного счастливее, когда ей не нужно круглосуточно присматривать за мной. Она приезжает в гости раз в пару месяцев. Она мной гордится. А я горжусь ей. Если я буду жить, то я буду жить. Ваше предположение, что жить одному сложно – это ваше предположение, не мое. Не все могут это сделать. Но я могу.

И это делает мою маму счастливее. Она потратила свое время. Она любит меня. Я люблю ее. Но она хочет, чтобы я жил своей жизнью, а я хочу, чтобы она жила своей. Это лучший подарок, который мы можем дать друг другу.

Это очень мило. Но разве она не переживает о тебе

все время?

Мы переписываемся почти каждый день. Она моя мама. Но я хочу, чтобы она жила своей жизнью. Она заслужила это право. Она всегда очень старалась не опекать меня слишком сильно, не быть одной из этих СМА мамочек, которые относятся к своим детям как к младенцам, когда те уже десять лет как выросли. Это было тяжело для нее, когда я был младше. Так много мам, когда узнают, что их дети больны этим, держатся за них еще крепче, пытаются еще больше их контролировать, защищать их, насколько могут, потому что понимают, что в самом большом смысле совсем не могут их защитить. Но мама никогда этого не делала. Она заставляла меня толкать свое кресло, когда я мог. Она всегда заставляла меня есть самостоятельно. «Всем в жизни тяжело», говорила она. «Твои проблемы – это твои проблемы, так же, как у каждого свои собственные проблемы.»

Благодаря этому я стал лучшим человеком сегодня, как и она. Моя болезнь не забрала мою мать с собой. Теперь она наслаждается жизнью, которая была ей недоступна, когда она растила меня. Я гожусь ею.

Как ты ешь?

Сейчас я могу достаточно опускать голову к руке, чтобы есть самостоятельно, хотя это только если я сижу под правильным углом. Намного проще, если мне немного помогают Трэвис или Марджани. Но в конце концов мне, наверное, понадобится трубка. Это будет отстойно.

Эм... как ты ходишь в туалет?

Боюсь, большую часть дня для этого нужен презерватив-катетер, хотя это еще один пример действия, где я не откажусь от помощи. Презерватив-катетер работает именно так, как вы думаете. У них даже есть экстра-большие размеры.

Но в остальном твой мозг в порядке?

Вы мне скажите. Мой мозг кажется вам нормальным? Как бы вам понравилось, если бы у вас спросили, что у вас с мозгом?

То есть ты можешь двигать только левой рукой, пальцами ног и частью рта. И все? Это все, что делает СМА?

Если бы. Не забывайте: это *прогрессирующее* заболевание. Оно серьезно атакует легкие. Логично, правда? Это болезнь, атакующая ваши главные мышцы, а нет более ценных мышц, чем легкие. У меня слабые легкие и они никогда не восстановятся. Это также мешает мне откашливаться, поэтому я постоянно рискую подавиться собственной мокротой, что, должен сказать, я надеюсь, не будет причиной моей смерти. Мне приходится дышать через аппарат, помогающий кашлять, если у меня есть какая-либо проблема с дыханием, что случается часто. Теперь он у меня установлен так, что я могу просто подъехать и сунуть в него лицо. Это по-своему весело: как автомойка.

Но дело в том, что есть отсчет. Ты пытаешься забыть об

отсчете. Но о нем сложно забыть.

Есть четыре типа СМА. Есть первый, самый худший: тот, которым страдают младенцы, обычно убивающий их до двух лет. СМА – это лидирующая причина смерти новорожденных, но я от этого уже улизнул. Выкуси, первый тип.

Третий тип могут диагностировать позже, но он меньше поражает легкие и тебе может понадобиться использовать инвалидное кресло или фиксаторы ног, когда вырастешь. Четвертый тип проявляется во взрослом возрасте и ударяет по рукам и ногам так, что ты можешь в итоге начать использовать инвалидное кресло. Но, честно говоря, я видел достаточно таких людей: половина из вас все равно в одном неудачном медицинском шаге от кресла. Мне всегда кажется, что я намного чаще стою в очереди в «Волмарт» за вами, чем вы – за мной, скажем так.

У меня второй тип, самый распространенный. Это тот, что диагностируют примерно в год, и это все меняет. Каждый крохотный сгусток слизи в горле может тебя убить. Ты можешь упасть и никогда не встать. Твое тело в один день может сказать, что с него достаточно. Это случилось с одним моим приятелем несколько лет назад. Ему было девятнадцать, и он обожал азартные игры онлайн, что довольно привычно для людей с СМА. Он присылал мне эти мутные «купоны» на присоединение к какой-то игровой финансовой пирамиде, но он был хорошим парнем. Его мама чересчур его опекала, но это бывает: не всем с этим повезло так же,

как мне. Но потом он однажды лег спать и не проснулся. У него были самые новые из выпущенных лекарства, они с мамой заботились о нем, как могли, но однажды его тело просто сдалось и отправило его на покой куда бы то ни было.

Он был одним из редких случаев. Большинство тех, кто со вторым типом СМА, доживают до двадцати, а то и тридцати с чем-то. Я знаю парня, который прожил больше пятидесяти. Но гарантий нет. Осчет есть всегда. Мне двадцать шесть лет. Это слишком много? Или средне? Близится ли мой конец?

Ваша догадка будет не хуже моей. Но я не собираюсь просто этого дожидаться.

Извини. От этой части мне просто стало грустно.

Не обманывайте себя. Вы тоже здесь не навсегда. На самом деле: вам, наверное, пора. Телепатия окончена, Форки. Мне нужно возвращаться к работе. Эти самолеты сами себя не задержат.

5.

Зачем ей садиться в машину какого-то парня? (Если это она?)

И зачем этому парню просто забирать ее? (Какой человек вообще на такое способен?)

Двоих студентов в прошлом году пырнули ножом посреди дня возле боулинга «Шоутайм» на шоссе Макон. Мужчина на парковке орал какую-то чушь и пристал к ним на выхо-

де из боулинга. Один из них пытался просто пройти мимо, но мужчина вогнал карманный нож прямо ему в поясницу. Другой студент отреагировал слишком медленно, и мужчина вытащил нож из его друга, прыгнул на него и ткнул его двадцать два раза в грудь, шею и лицо. Один из тех двадцати двух попал в сонную артерию; парень истек кровью в считанные минуты. Приехала полиция, быстро, но недостаточно, и схватила мужчину. Двое незнакомцев просто внезапно умерли на случайной парковке случайного боулинга в случайный апрельский день ни за что, ни про что. Мир в наши дни – это ужасающее место. Мы все живем на самом краю. Это дерьмо может просто случиться. За каждым углом скрываются монстры. Пианино падают с неба.

Иногда из-за этого не хочется выходить из дома. Но это делать нужно. Мне не нужно говорить вам, как важно выходить из дома, как сильно начинаешь ценить внешний мир, когда ты буквально не способен выйти наружу. Если я не буду осторожен, я могу неудачно упасть с кровати в неподходящее время. Я каждый день осознаю, что такое будущее может быть прямо за углом. Поэтому я выхожу. Так часто, как могу.

Прямо возле моего дома есть остановка, где у людей есть годы опыта (и терпения), чтобы поднимать меня и отвозить куда нужно. Я вбиваю свое место назначения в планшет, который озвучивает его Гасу, водителю автобуса, давно при-

выкшему ко мне и высаживающему меня на нужной остановке. Думаете, мне нравится безвылазно сидеть в этом дуплексе? Вы бывали в Атенс? Когда я только переехал сюда из Иллинойса, я часто переживал, что каждый раз, когда солнечно, но я не на улице, я «попусту трачу» хороший день. Примерно за месяц я понял, что здесь все дни хорошие. Не считая июля и августа, когда это место превращается в поверхность Солнца, Атенс – одно из самых приятных мест для прогулок.

По вторникам я обедаю с Тоддом. Ну, *обед* – это не совсем подходящее слово, потому что мы не едим и не разговариваем во время встреч. Я практически уверен, что Тодд не знает, как меня зовут. Вторник – это день «Азула» в «Ладье и Пешке». «Ладья и Пешка» это бар/закусочная в центре Атенс, посвященный настольным играм. Они продают коктейли и сэндвичи, такие модные, хипстерские напитки с огурцами и странными травами, и там можно поиграть в настолки. Вы приходите, платите по пять баксов за стол и играете. У самых сложных из настольных игр по типу «Колонизаторов» есть целые сообщества. Некоторые приходят туда в одиннадцать утра, устраиваются за столиком и остаются играть в какую-нибудь игру с замками и драконами, пока бар не закроется в полночь. Но вам не обязательно так делать. Вы также можете прийти и сыграть в «Соедини четыре» со своим пятилетним ребенком. Я видел футболистов из Джорджии, игравших там в «Уно», но с шотами. (Тащить четыре

особенно болезненно.) Это отличное место, где можно притвориться, что тебе снова пятнадцать.

Тодд приходит в полдень каждого дня, заказывает один и тот же сэндвич, с жареным сыром и беконом в белом хлебе, и стакан джина «Авиэйшн Американ» безо льда и с лаймом. Он съедает сэндвич, а затем играет в «Азул» против всех желающих.

«Азул» это простая игра для людей, постоянно играющих в настольные игры, то есть она практически недоступна для понимания среднестатистическому человеку. Но в ней задействованы расписные плитки, и узоры, и очки, и есть квадраты с треугольниками, и... ладно, я уже потерял ваше внимание... Но поверьте мне: это классная игра, и очень важная для всех любителей настолок.

Каждый вечер четверга они проводят большой турнир по «Азулу», и Тодд прославился тем, что всегда его выигрывает. Остаток недели он просто сидит в дальнем углу бара и играет. Он – местная легенда, хоть он редко разговаривает. У него есть джин – бармен просто доликает ему каждый раз, когда стакан пустеет – у него есть игра, и этим он занимается весь день. Он держит выпуск «Нью-Йорк Таймс» под рукой, который читает, пока кто-нибудь не вызовет его сыграть в «Азул», и тогда он его откладывает. Когда игра заканчивается, он снова берет газету. Он делает так каждый вторник. Никто не знает, где он живет, где работает, откуда берет деньги на джин и сэндвичи. Он просто играет, читает и пьет.

Это его жизнь. Зачем ему это делать? – спросите вы. А зачем кому-либо что-либо делать?

Поэтому по вторникам я отправляюсь в «Ладью и Пешку» на обед и встречу с Тоддом. Потому что я обожаю эту игру и в один прекрасный день я побью этого сукинсына. Этого еще не случилось. Каждый раз, когда у меня есть потрясающий план и стратегия выигрыша, Тодд молча заставляет нас обоих помешать его реализации. Он постоянно думает на три или четыре шага впереди меня. А я не думаю о нем вообще. И поэтому проигрываю.

Тихое хмыканье, которое он издает каждый раз, когда побеждает меня – совершенно деморализующее хмыканье, это-едва-считается-за-игру хмыканье, напоминающее мне, насколько я плох в «Азуле» – всегда казалось мне глубоко снисходительным в стиле «всем насрать». Отчасти я его обожаю. Тодд проявляет терпение при том, как много времени у меня уходит на игру, как мне приходится вбивать для него команды, чтобы он подвинул элементы за меня, но он не делает из этого большого представления, и уж точно это не вызывает у него соблазна посочувствовать мне. Каждый день Тодда вызывают дюжины игроков, и хоть мои игры занимают в два раза больше времени, чем у остальных, он относится ко мне так же, как ко всем. Я ценю это.

Моя короткая смена в Spectrum заканчивается в 1:30 дня, и большая часть обедающих к этому времени расходится, поэтому Тодд обычно сидит один. Они всегда сажают меня за

стол, где возле моей головы ставят поднос, чтобы я мог пить воду через трубочку. (Я обожаю свою самостоятельность, но поесть одному в ресторане практически невозможно; я всегда ем до выхода из дома.)

Тодд, как делает со всеми, едва поднимает голову, только чтобы кивнуть украдкой, подтверждая, что да, сыграем, а потом мы начинаем.

Меня восхищает Тодд. Это человек, который может взаимодействовать с миром так, как посчитает нужным. Он может ходить с людьми, разговаривать с людьми, проклинать их, пытаться уговорить их заняться с ним сексом, и бегать по улице голышом. Он может жениться, развестись, играть в видеоигры, обмазаться арахисовым маслом, поехать в Испанию, курить опиум, создать свою религию, жонглировать бутылками из-под диетической «Кока-Колы», начать стрелять в людей с крыши. Он может делать все, что ему захочется, в любой момент. Но он выбирает это. Он выбирает сидеть, пить, играть в «Азул», хмуриться и не говорить никому ни одного чертового слова. Он выбирает оставаться здесь.

Он берет свои первые плитки. Я беру свои. Я вижу череду голубых плиток, которые заработают мне очки, в середине ряда, что поможет укрепить красные плитки снизу, и, если я просто смогу придержать зеленые, я, возможно, закончу этот узор колонны, а затем... и четырнадцать минут спустя я проиграл.

Я просто издаю тихое «сссс», которое, я надеюсь, звучит

как: «Хорошая игра, спасибо», но, наверное, это не так, когда случается кое-что необычное. Тодд встает, обходит стол, встает на колени рядом с моим креслом и подносит губы к моему уху. От него пахнет никотином и кошачьей мочой. Это еще что такое?

– Ты слишком хороший, – говорит он, звуча словно злодей из мультфильма «Пиксар». Но в его голосе есть тихое тепло. Он пытается мне помочь. – Все пытаются тебя обдурить. Но не прекращай быть таким добрым.

Он поворачивается ко мне.

– Оставайся добрым, парень. Никто этого не предвидит.

Затем он легонько прикасается к моей левой щеке, улыбается, обнажая желтые, кривые зубы, и возвращается на свое место к джину.

Я мгновение глазею на него. Он принимается за чтение газеты. Как будто меня больше нет.

Два года я играл с Тоддом и он не говорил ни слова. А теперь это. Я все смотрю на него, пытаюсь понять, но он готов к следующей игре. Парень позади меня тихо говорит мне: «сэр», и мне пора освободить место для следующей игры Тодда. Я откатываю кресло назад и случайно опрокидываю стакан с водой, который разбивается об пол. Я тихо вскрикиваю, и ко мне спешит официант, чтобы все убрать. Я быстро печатаю «ИЗВИНИТЕ» на своем планшете и работник отвечает, что ничего страшного. Тодд даже не взглянул в мою сторону.

Никто этого не предвидит.

Моя смена в Spectrum продолжится в три часа. Я осознаю, что я спланировал время этой еженедельной поездки, заранее предполагая, что Тодд быстро меня победит – пораженческое мышление, мягко говоря. Я как раз выкатываюсь из «Ладьи и Пешки», чтобы подождать следующий автобус на углу, когда в кого-то врезаюсь. Сложно врезаться в кого-то креслом. Люди обычно прыгают прочь с дороги, увидев тебя; один парень как-то выбежал на дорогу. Я обычно даже не беспокоюсь об этом. Но черт, как я впечатался в эту дамочку. Я еще и ехал слишком быстро, быстрее обычного. Но она приняла это, как полузащитник. Она ни на дюйм не сдвинулась. Но покачнулась, словно на пружине.

На мгновение она выглядит растерянной, потом поворачивается и просто проходит мимо меня в «Ладью и Пешку». Я понимаю, что с ней трое друзей, все азиатки, как и она, и узнавание щекочет мне затылок. Они все выглядят уставшими и побежденными, но и будто бы решительными. Двое из них несут коробки, полные листов бумаги. Другая держит сверток клейкой ленты и черный маркер.

Женщина, в которую я врезался, все еще держа бумаги в руках, хватает скотч и направляется назад к выходу. Я растерян, не понимая, что она собирается сделать. А затем меня осеняет. Она клеит объявление.

Я глазею на него. У меня уходит секунда. На это не должна уходить секунда. Обычно это мне хорошо удается. Когда для

разговора с людьми требуется столько усилий, они обычно не говорят с вами, что освобождает вас от отвлекающих вещей и позволяет изучать их. Одно из преимуществ этого в том, что можно смотреть на людей невероятно долго и никто этого даже не заметит. Это помогает выжечь их лица у себя в памяти, хотите вы этого или нет.

Мне требуется минута, чтобы убедиться, что это точно она. Во-первых, на фотографии не 7:22 утра. А ночь. Она стоит где-то на краю скалы, держа голубой рюкзак, с короткими черными волосами, заворачивающимися пониже ушей. На ней солнцезащитные очки, большие, слишком большие: они похожи на те, что отцы носили в фильмах восьмидесятых. Она подняла руки вверх, словно координирует посадку или только что выиграла гонку. Она улыбается. Так широко улыбается. Она улыбается как самый счастливый человек в мире. Она улыбается... как улыбнулась мне.

Женщина, которая на моих глазах села в машину, это Ай-Чин Ляо.

6.

Мне кажется, что я сейчас сгорю прямо в кресле. Мне кажется, что меня обуял огонь. Я оглядываюсь на бедную девушку с постерами, которую я сбил. Это ее подруга! Она должна знать! Но ее уже нет. Куда она делась?

Когда я разворачиваю кресло, на меня глазееет небольшая

толпа. Это логично. Я только что врезался в женщину, потом обернулся и таращился на входную дверь кафе целую вечность, при этом ворча. Я бы тоже на себя смотрел.

Я пытаюсь встретиться глазами с одним конкретным человеком, глядящим на меня с открытым ртом. Он высокий, худощавый и старше всех окружающих меня студентиков. На нем кепка «Ладьи и Пешки». Он здесь работает! У него есть власть! Я начинаю ворчать и немного плевать, пытаюсь привлечь его внимание и дать понять, что я хочу что-то ему сказать. Он наклоняется ближе. Я начинаю лихорадочно печатать на планшете, заканчиваю и нажимаю на «Говорить».

– Девушка.

– Объявления.

– Где?

Люди всегда удивляются, что голос, произносящий слова, не звучит как у Стивена Хокинга. Это приятный мужской голос с легким британским акцентом. Немного похожий на механического, напыщенного Колина Ферта. Можно выбрать из нескольких вариантов, и аура изысканности английского выговора меня цепляет.

Парень из «Ладьи и Пешки» непонимающе таращится на меня. Я повторяю своим слегка британским компьютерным голосом.

– Девушка.

– Объявления.

– Где?

Наконец-то он понимает, что я пытаюсь сказать.

– О, простите, – говорит он, вертя чашку кофе в одной руке и несколько листов бумаги в другой. – Кажется, она пошла в «40 Ватт».

Я пытаюсь кивнуть ему, а потом разворачиваюсь. Мне нужно ее догнать.

«40 Ватт» – это знаменитый музыкальный клуб в Атенс, располагающийся как раз напротив «Ладьи и Пешки». Это один из самых влиятельных рок-клубов на планете – R.E.M., по сути, изобрели там, а Nirvana играли там как раз до того, как их популярность взлетела, в октябре 1991-го – но днем он похож на заброшенный магазин. Между «Ладьей и Пешкой» и «40 Ватт» нет пешеходного перехода, поэтому мне приходится гнать до угла улицы и дожидаться светофора. Даже тогда мне нужно лишний раз убедиться, что какой-то сумасшедший идиот-студент, пялящийся в телефон, не проедет на красный, разбросав части меня и моего кресла аж до пивоварни «Кричер Комфортс». Я жду, и жду, и жду, и жду, и наконец-то *жжжжжжжж*.

Я чуть не переворачиваюсь, резко поворачивая к «40 Ватт». Какой-то парень вскрикивает, когда я проношусь мимо, и даже одаряет меня этим ненавистным «Притормози!». Я несусь к «40 Ватт». Объявления виднеются на стене и на соседней закуской. Китайки и ее друзей нигде нет. Я обо-

рачиваюсь налево, направо, и не вижу их. Должно быть, я выгляжу нелепо, этот истекающий слюной, ворчащий парень в инвалидном кресле, оборачивающийся на 360 градусов на тротуаре Брод-стрит. Они, наверное, думают, что у меня сломалось кресло. Я задумываюсь, как долго я могу это делать, прежде чем кто-то подбежит и попытается помочь. Могу поспорить, долго. Я про себя делаю заметку как-нибудь так сделать. У меня должно быть свое шоу розыгрышей.

Она ушла. Ее друзья ушли. Я понятия не имею, где они. Мне нужно им рассказать. Они должны знать, что я ее видел.
Девушка. Объявления. Где.

Так я их не найду. Я выезжаю на угол, чтобы дожидаться автобуса домой.

7.

Дома. Гас сказал, я выгляжу, как будто «твоя собака – призрак», когда я сел на автобус. Я не знаю, что это значит. Наверное, ничего хорошего.

Остаток рабочего дня проходит легко. Обычно вторник довольно спокойный день в Твиттере Spectrum Air. Настоящая жара начнется в пятницу, когда весь юг отправляется на разные университетские футбольные стадионы, рассеянные по зоне перелетов Spectrum Air. Есть особый уровень ярости, достичь которого может только фанат университетского футбола, застаревший в аэропорту вместо тусовки перед иг-

рой, и осенью я встречаюсь с этим каждый пятничный вечер и субботнее утро.

(О, я только что понял, вам, наверное, интересно, как я печатаю. Это так просто, что вам даже ваш вопрос покажется глупым. У меня есть маленький шарик,двигающий курсор по специальной клавиатуре, где я могу кликать на буквы. Это просто мышка. Работает точно как ваша. Сейчас я с ней безумно быстро управляюсь – я бы надрал вам задницу в «Космических захватчиках».)

После ужина ко мне заходит Марджани. Она видит, что что-то не так. Она ничего не говорит, но у нее на все уходит на одну-две секунды больше, чем обычно, словно она медлит, присматривает за мной. Она расчесывает меня немного тщательнее, смотрит на меня чуть дольше, скармливая мне ужин, вскидывает бровь, когда я не смотрю ей в глаза. Она хорошо меня знает. И она знает, когда я готов говорить. Но я пока не готов об этом говорить. Я очень, очень устал.

Она молча убирается на кухне, катит меня в ванную и начинает раздевать. Она помыла мне голову вчера вечером, поэтому сегодня мытье проходит быстро, и она надевает на меня пижаму с «Сан-Франциско 49». Я понятия не имею, почему у меня их пижама. Я никогда не был в Калифорнии. Марджани так ловко справляется с этим процессом, что он занимает всего минут пятнадцать. Сегодня на это уходит двадцать.

Я не могу перестать думать о том объявлении. Марджа-

ни, выжидательно вздохнув, говорит, что у меня пятнадцать минут до того, как нужно лечь в кровать. Я горжусь своей независимостью, и я двадцатишестилетний взрослый мужчина, поэтому, хоть я и полностью понимаю, почему так надо – я не могу забраться в кровать сам – это исключительно деморализующий момент каждого вечера, когда я осознаю, что другой человек, пусть даже желающий мне добра, может указывать, когда мне ложиться, и мне нужно его слушать.

Как обычно, я решаю провести мои последние пятнадцать минут за компьютером. Я открываю все более оживленную страницу об Ай-Чин на Реддите. Очень долго смотрю на нее.

Я должен был напомнить Трэвису позвонить на горячую линию. Я уверен, что он забыл. Забывать выполнять базовые указания – характерная черта Трэвиса. Я мог бы подоставать его по этому поводу сейчас. Но у меня всего пятнадцать минут. И знаете что? Я могу справиться сам, спасибо.

Впервые в жизни я открываю окошко, чтобы написать публикацию.

Я печатаю следующее:

я живу в файв-пойнтс и может быть я ошибся но я почти уверен что видел как ай-чин проходила мой квартал каждый день. и мне кажется я видел ее в день когда она исчезла. я думаю это была она. я не уверен. но я знаю что она живет рядом и у нее были занятия тем утром и я думаю что видел ее. я думаю что видел как она села в бежевую камаро. комунибудь это о чем то говорит?

но может я просто сошел с ума и только сильнее все запутываю.

мне просто показалось что я должен рассказать, что видел поэтому говорю.

Я пять минут держу курсор над кнопкой «Опубликовать», пока Марджани не говорит, что пора в кровать. И я нажимаю на нее, выключаю компьютер и пытаюсь заснуть. Мне нужно было что-то сказать. Верно?

Среда

8.

Основная работа Марджани – смотреть, как умирают люди. Это не единственная ее работа, но, как она однажды мне сказала: «Это единственная важная». Марджани убирает, Марджани готовит, Марджани моет полы, Марджани одевает, Марджани купает, Марджани потеет и рабски трудится на благо более богатых, более белых людей, которые, видя ее каждый день, не замечают. Марджани знает, что «быть с человеком перед смертью – это единственная вещь в мире, имеющая значение».

Марджани однажды сказала мне это лениво, мимоходом, когда мы едва знали друг друга. Она тогда купала меня, несколько лет назад, когда я еще немного лучше разговаривал, когда я еще настаивал, что буду мыть свой живот, член и яйца самостоятельно, когда такая хрень еще не полностью утратила значение. Это было достаточно давно, чтобы смерть казалась теоретической дискуссией, как когда вы говорите о смерти с кем-то, кто еще не умирает. Легче поднимать тему смерти, когда она не в одном регионе с вами, и так было тогда. Наверное, стоит заметить, что никто не упо-

минал о ней при мне последние несколько лет.

Марджани тогда была немного моложе, немного худее, немного охотнее смеялась. Она с удовольствием открыто говорила о своем сыне, которому на тот момент было двенадцать, а теперь он, наверное, выпускается из старшей школы, хоть я только догадываюсь: она уже пару лет о нем не упоминала, и я знаю, что он не умер только потому, что, думаю, если бы это случилось, Марджани взяла бы выходной, а она не пропустила ни дня с тех пор, как начала работать со мной. Она стала тверже за эти годы, поняв намек в моем молчании, и наша чередка ворчаний и кивков стала нашим личным, эффективным языком общения. Мы можем смотреть друг другу в глаза и разговаривать, как я с Трэвисом. Она колола, поднимала, мыла, поворачивала, носила и терла меня большую часть моей взрослой жизни. Мы считываем и реагируем друг на друга, как танцевальная команда, понимающая каждое подрагивание, что они значат и что говорят делать дальше. Никто никогда не узнает меня так хорошо, как Марджани, хоть я все еще даже не уверен, нравлюсь ли ей вообще. Ну, я ей нравлюсь или, по крайней мере, не *не* нравлюсь. Она добрая, осторожная. Но она также выполняет работу, продельывает действия за очередного белого мальчишку, который либо не может, либо не хочет делать их сам. Она заботится обо мне, создает комфортные условия и помогает каждый раз, когда мне нужна помощь, может, даже больше, чем требуют условия ее работы.

Но если бы мой «Медикэйд» перестал платить Марджани, она бы прекратила, и я бы вряд ли когда-либо снова ее увидел. Она бы занялась чем-то другим, и я бы умер в этом доме, грязный, вшивый и одинокий. Я знаю это, но, что более важно, это знает она. Она делала это достаточно долго, чтобы знать, что нужно до какой-то степени отстраняться, как сильно бы ты ни переживал или наоборот. Она уже ухаживала за теми, кто потом умер, и она сделает это снова. Как справляться, не оставляя эмоции за дверью?

Но три-четыре года назад, Марджани еще была не так хороша в этом. Она все еще любопытствовала, была более открытой, чем стоит быть со мной. Она просто хотела поболтать. Это все время случается со мной: люди *обожают* со мной говорить. В следующий раз, когда окажетесь в комнате с другим человеком, только одним, проэкспериментируйте: не говорите пятнадцать минут. К третьей минуте человек, находящийся с вами в одной комнате, будет болтать ни о чем, о чем угодно, *о чем угодно*, чтобы заполнить пустоту какими-то звуками. Поэтому со мной люди просто говорят, говорят, говорят, говорят и говорят. Говорят за двоих. Воздух нужно чем-то заполнить.

Тогда она еще не привыкла к моему молчанию или, по крайней мере, не привыкла, что я особо ничего не говорю кроме: «Ай» и «Ням» и «Больше», поэтому говорила она. Рассказала, откуда она (Пакистан), замужем ли (была), и что думает, прожив в Атенс последние два года (слишком мно-

го холмов, чтобы ездить на велосипеде). Я не уверен, поднимались ли эти темы еще раз в последующие четыре года, но точно не в последнее время. Это был одноразовый информационный завал. Люди просто говорят, и говорят, и говорят.

Но затем она рассказала, чем зарабатывает на жизнь. Примерно четверть ее жизни – это разные подработки, где она хватается за любые возможности, чтобы стать частью экономики свободного заработка. Она помогает клининговой команде, она работает на университет, собирая мусор после спортивных мероприятий, она даже иногда выходит на смены в «Дели Джейсона» в городе во время учебного года. Она делает все это, чтобы себя занять; она говорила мне, что, когда ее сын теперь все дни проводит в школе, она пытается добыть как можно больше наличных; ее муж работает (работал?) в ресторане в городе.

Но ее основная работа – это уход за умирающими. Она не медсестра, объяснила она, хоть она может оказать базовый медицинский уход, если нужно. Эта работа заключается не в этом.

– Суть в том, чтобы быть с ними, когда они... правдивые? – сказала она, моя мне спину в ванной. – Вот это слово. Люди настоящие, когда умирают. Понимаешь?

Я проворчал: «агаааа», не столько в знак согласия, сколько из обязательства выслушать эту незнакомку. Некоторым людям просто нужно напомнить, что ты с ними.

– Видеть их в конце такими, какие они есть, большая уда-

ча, – сказала она, и я задумался, со всеми ли она такая, или только с теми, кто не может ответить. – Это дар. Поэтому это моя работа. Мой дар – это моя работа. Мне очень повезло, – затем она закашлялась, вышла из комнаты, вернулась и уложила меня в кровать.

Она никогда больше со мной не говорила о помощи умирающим. Она закончила с этим, прямо тогда. Интересно, не умер ли кто-то ранее в тот день, кого она еще не успела выбросить это из головы. А затем осознала, что теперь моя очередь. Теперь моя очередь сделать ее везучей.

Я все еще вспоминаю тот разговор, каким он был, каждый день.

Она приходит, делает свою работу, улыбается, проявляет доброту, прощается и уходит. Есть добродетель в ее жестах и явном удовольствии от работы. Но это просто работа. Я ценю это. Я люблю ее. Я нуждаюсь в ней. Я думаю, она нуждается во мне. Но кажется, будто должно быть что-то большее. Я думаю, может, моя вина, что этого нет.

Она все еще здесь. Она ближе ко мне, чем кто-либо другой. Но знает ли она меня лучше, чем я ее? Сбрасывает ли она меня, как куртку, когда идет домой? Это ее работа. Это то, что она сделала и что дала мне. Марджани является центром моей жизни. И все же я молюсь, чтобы она не скучала по мне, когда меня не станет.

9.

Я проснулся. Марджани рядом, как всегда по утрам.

– Тебе записка, Дэниел, – говорит она, поднимая меня, расстегивая пижаму и вытирая мне лицо. – От Чарльза, тебе стоит ее прочесть.

Чарльз – это единственный санитар, приходящий каждую ночь от службы, чтобы перевернуть меня в кровати, чье имя я действительно помню. Он прибирает за мной и убеждает, что я все еще дышу. Мне очень нравится Чарльз. К слову сказать, Чарльз – троюродный кузен Стэйси Абрамс, которая баллотировалась на должность губернатора Джорджии в прошлом году и почти выиграла. У меня на бампере была наклейка «Абрамс», и Чарльз все время разговаривал об этом. Он виделся с ней всего пару раз, но сказал, что она очень милая. Он даже пришел пораньше в вечер выборов 2018-го, чтобы посмотреть результаты – «У тебя есть кабельное», сказал он – и не давал мне спать большую часть ночи, крича на телевизор. В итоге я смотрел финальные подсчеты с ним; он расплакался, когда Абрамс проиграла. Чарльз классный.

Чарльз приходит по вторникам, средам, четвергам, пятницам и субботам, а другой парень – тощий белый парень, чье имя я вечно забываю. Гарри? Фрэнк? Может, Фрэнк? Может быть, Гарри – приходит по воскресеньям и понедельникам. У них один ключ: они сами отпирают по приходу и запирают

дверь, когда уходят – по крайней мере, я надеюсь на это. Я лишь знаю этих мужчин как тени в ночи, тяжело дышащие фантазмы, молча поднимающие и вытирающие меня. Они аккуратные, умелые и всегда сострадающие: если я просыпаюсь, это значит, что у них выдалась плохая рабочая ночь. Они всегда прокрадываются сквозь заднюю дверь в два часа ночи, проверяют меня, и так же исчезают. Они существуют только чтобы не дать мне умереть ночью, и я бы не узнал ни одного из них при свете дня. Я не знаю, сколько им платят, но недостаточно.

Моя руки перед завтраком, Марджани читает мне записку.

Дэниел, ты вчера не выключил компьютер. Я это сделал, чтобы он не мешал тебе спать, но я клянусь, я ни на что не смотрел. Тебе нужно быть осторожнее, я мог бы украсть данные твоих карт и уже быть на полпути на Багамы.

Чарльз

– Он очень забавный парень, – говорит Марджани, каким-то образом одновременно жаря яйца, подметая пол и переключая телевизор. – Я работала с ним в больнице несколько лет назад. Он добрый. У него четверо чудесных детей и жена, которая беспокоится, что его нет по ночам. – Она пристегивает меня к креслу и подкатывает к столу. – Извини, я думаю, это я забыла вчера выключить твой компьютер. Но он прав, тебе нужно быть осторожнее с компьютером. Он пор-

тит зрение.

Марджани всегда переживает о моем здоровье по таким пустякам. Она ухаживает за человеком, у которого все тело постоянно атрофируется, и все же забавно высокая доля наших разговоров приходится на мелочи о заботе о здоровье, намного более применимые к кому-нибудь, кто в отличие от меня не считает эти предполагаемые недуги ничтожными. Конечно, Марджани, давай заведемся из-за зубной нити. На прошлой неделе у меня была дырка в носке, и она пять минут читала мне лекцию об обморожении. В октябре. В Джорджии.

Я коротко киваю ей и приподнимаю бровь – Трэвис называет этот прием «Граучо» – она смеется, и я внезапно замечаю, что Марджани сегодня в странно приподнятом настроении. Это меня радует.

Я первым делом проверяю компьютер. Марджани поднимает меня, приводит в порядок, расчесывает, одевает, а затем я ворчу и киваю в сторону компьютера – туда, туда, *туда туда туда*.

– Ты как наркоман, – говорит она и подвозит меня на мое место. – У тебя десять минут до завтрака. Попытайся не испортить себе мозг.

Я полночи думал о том, что опубликовал. Что, если одна из подруг Ай-Чин увидит это и подумает, что я знаю больше, чем на самом деле? Что, если я слишком сильно их обнадежил. Это жестоко? Что, если это была не она?

Когда ты вот так заперт внутри, ты не можешь немного не сходить с ума по ночам, когда рядом нет кого-то, чтобы отвлечь и занять твой мозг. Все ленивые, бездумные, рефлексорные вещи, которые мы делаем каждый день, мы никогда не задумываемся над их последствиями, пока наконец не окажемся в спокойном месте наедине с собой, что, наверное, и является причиной, почему мы так часто избегаем оставаться в тишине и покое. Но у меня тишины и покоя предостаточно.

Пусть полицейские делают свою работу. Я попрошу Трэвиса помочь мне позвонить им. Может, это сплетничанье в интернете никому не идет на пользу. Оно дает надежду, забирает надежду, и ни к чему не приводит. Это кажется настоящим. Но это не так.

Может, мне стоит удалить это, прежде чем оно отправит кого-то в кроличью нору.

Страница все еще открыта. Моя публикация просто висит, таращась на меня, показывая средний палец. Пошел ты, пост. Тебя написал слабый я. Сегодня я буду сильнее.

Я глубоко вдыхаю, прежде чем обновить страницу. От этого я начинаю немного задыхаться, и Марджани подходит меня успокоить, и к тому времени, как я отдышался, она уже откатила меня завтракать. Я стреляю глазами по комнате, пока она кормит меня грейпфрутом. В какой-то момент я отвлекаюсь, поворачиваю голову влево и выбиваю вилку у нее из руки, по моему подбородку стекает сок.

– Дэниел! – она отскакивает, словно я пытался ее уку-
сить. – Что с тобой сегодня такое?

Я дергаю головой в сторону компьютера. У нее опускают-
ся плечи. Она хмурится. Смотрит на меня, словно я как-то
ужасно ее обозвал.

– Ты капризничаешь, Дэниел. Эта штука превращает тебя
в злого робота.

Я снова дергаю головой.

– Злого, злого робота, – говорит она, возвращая меня в
мою комнату. Она смотрит на меня.

Я смотрю ей в глаза, чтобы мы могли поговорить. Это по-
чти как с Трэвисом, может, не настолько усовершенствован-
ный навык, но она многое схватила за последние два года.

Что?

Я вернусь сегодня в обед, Дэниел, и, если ты все еще
будешь сидеть здесь, я тебя выброшу из окна.

Ты что, только что пошутила?

Да. Тебе понравилось?

*Да. А теперь, пожалуйста, оставь меня с моим
компьютером.*

Я улыбаюсь, она улыбается в ответ, и все снова в порядке,
лишь бы она побыстрее убралась из моей чертовой комнаты,
чтобы я мог избавиться от долбаного поста.

Наконец-то я обновляю страницу.

Запись висит... незамеченной. Никто не ответил и, даже
лучше, все пользователи отмечают ее как не относящуюся

к делу, бессмысленную и «эмодзи говняшка». Надеюсь, вы выходите в свет намного чаще меня и поэтому понятия не имеете, как работает Реддит, но, по сути, когда кто-то голосует против публикации, она опускается ниже, чтобы ее видело меньше людей. Пользователи Реддита особенно подозрительно относятся ко всем, кто создает аккаунт ради одного поста, решая, что это спамер, бот или просто придурок, пытающийся разрекламировать что-то в сообществе, не Уважая Сообщество. Я просматривал Реддит годами, но никогда ничего не публиковал. Я считаю Реддит, Твиттер и все места, где мы собираемся покричать друг на друга, аквариумами: они слишком занимательные в качестве закрытых экосистем, чтобы в них вторгаться моей неловкой, дурацкой рукой. Рыбы другие, если пытаешься быть своим среди них; они меняются просто потому, что появился ты; я не хотел бы быть частью клуба, в котором захотели бы такого участника, как я; в такие места хорошо наведываться, но я бы не хотел там жить; ну, вы понимаете.

Но я нарушил свое правило. Я засунул палец в аквариум. Теперь рыбки голосуют против меня.

Они делают мне одолжение. Они убеждаются, что как можно меньше людей увидят мою ошибку. Я немедленно чувствую себя лучше, удалив пост. Давайте позвоним в полицию. Давайте позволим им делать свою работу. Когда Трэвис придет, нас ждет послеобеденное дело.

10.

Мне повезло иметь работу в интернете. Да, люди все время называют меня зомби-членососом, но целый день сидеть онлайн – это работа моей мечты. Я воспринимаю интернет не так, как вы. Я считаю его своей маскировкой. Это единственное место, где люди не относятся ко мне либо как к монстру, либо как к несчастному, которого нужно жалеть. Люди меня не видят, поэтому они не могут относиться ко мне по-другому: я просто такой же интернет-мудила, как и все остальные.

В интернете – и особенно в Твиттере, программе, специально созданной, чтобы люди общались коротко и прямолинейно – никто не знает, что они должны относиться ко мне с добротой или вежливо меня игнорировать. Поэтому они этого не делают. Я могу написать что-то вроде: «не думаю, что мне нравится новый альбом Childish Gambino» и народ немедленно начинает избивать меня, я идиот, я расист, все миллениалы – ленивые дураки, я отстойный. И это так круто! Именно поэтому на аватарке профиля в Твиттере у меня стоит мой портретный снимок, где я улыбаюсь и выгляжу как обычный глупый пацан. Если бы я поставил фотографию, где я в кресле, они бы опасались атаковать меня или просто бросались шутками о «неполноценности». Но они понятия не имеют, что у меня СМА, или что я вообще как-то отличаюсь

от них. Я просто очередной сопляк, которого нужно поставить на место.

Я предпочитаю, чтобы люди ненавидели меня, а не жалели. А вы бы так не думали? Разве кто-нибудь бы так не думал?

Я знаю, что говорил, будто оставляю все это дело полиции. Но немного любительской слежки в интернете никому не навредит.

И чем больше я читаю об Ай-Чин, тем больше мне нужно знать.

Она оставила мало следов онлайн. У нее была страница в Инстаграм, которой она воспользовалась дважды: в августе она опубликовала размытый снимок уродливого кота, а две недели назад – фото птицы, сидящей на заборе перед домом, который находится чуть дальше по улице от моего. Видно, что она очень старалась выучить английский – под фотографией она написала: «Это моя красивая птица, которая мой утренний друг». Под ней много комментариев на китайском и тридцать четыре лайка.

В Фейсбуке ее не было, насколько я понял, и в Твиттере, хотя, справедливости ради, сложно сузить поиск с фамилией Ляо в Твиттере. Все, что я узнал о ней, было в ее студенческом профиле и новостных статьях – очень в стиле 90-х узнавать о ком-то таким образом.

Утренняя рутина продолжается. Марджани усаживает ме-

ня и начинает мыть мне голову, шею и плечи. Она терпеть не может то, что мне нравится спать без верха – она говорит, из-за этого ей приходится чаще стирать простыни – но это лишает ее необходимости каждое утро стаскивать с меня потную футболку. В последние годы вокруг моей шеи во время сна начала образовываться такая странная пленка, тонкая, белая, почти плесневелая субстанция. Я не знаю, что это, и честно говоря, боюсь узнавать. Марджани, благослови ее бог, никогда об этом не заговаривала, хотя она вытирает ее с меня каждый день.

Она надевает на меня футболку и извиняется, когда я стою, хоть и не должна. Мои руки так редко двигаются, что от поднятия их над головой по утрам мне кажется, будто меня четвертуют, но это не ее вина. Нельзя болтаться по миру без рубашки целыми днями, даже в Джорджии.

Она опускает меня в кресло и катит в кухню. Она немного неуклюжая со мной сегодня, словно торопится. Я бросаю на нее пару любопытствующих взглядов, но она их, кажется, не замечает. Она просто скармливает мне хлопья и вытирает стол. Ночной парень оставил банку из-под пива на столешнице, и Марджани заставит его за это заплатить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.